

Title	Оренбург и оренбургское казачество в XVIII в. : Причины участия оренбургского казачества в восстании Пугачева
Author(s)	Тоёкава, Коити
Citation	Acta Slavica Iaponica, 11, 186-212
Issue Date	1993
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/8062
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034019.pdf

Оренбург и оренбургское казачество в XVIII в.: Причины участия оренбургского казачества в восстании Пугачева

Коити Тоёкава

1

В восстании Пугачева весьма своеобразны процессы участия народов. В нем участвовали не только русские крестьяне, рабочие, и городские люди, но казачество и нерусские народы. Советская историография достигла значительных результатов в разработке истории этого крупнейшего выступления народов в империи России. Литература по этой теме насчитывает сотни статей, брошюр, монографий, публикаций источников.¹ Издано фундаментальное исследование о восстании Пугачева, подготовленное коллективом авторов во главе с В. В. Мавродиным, вышли в свет монографии, освещающие его отдельные стороны и его историографию.² За последнее время появились исследования об участии в восстании нерусских народов.³ О восстании Пугачева существуют также разные исследования в европейских странах, США и Японии.⁴

Между тем, участия казаков в этом движении вызывает интерес советских исследователей.⁵ Казаки как застрельщики сыграли важную роль, особенно, яицкое казачество.⁶ Несмотря однако на обилие работ по историографии казачества периода восстания Пугачева, вопросы положения оренбургского казачества, остаются еще недостаточно исследованными и до сих пор не сделано полной сводки документов и архивных материалов, не проведено систематического исследования столь яркого и характерного положения оренбургского казачества в канун и эпоху восстания Пугачева.

2

А. С. Пушкин, в своей работе о восстании Пугачева, говорит, что взятию разных крепостей способствовал переход казаков на сторону Пугачева.⁷ Он оценил по достоинству роль казаков в восстании. Однако все работы до революции отмечает, что оренбургское казачество не участвовало в восстании, а наоборот оно было верно правительству. Почему авторы до революции разошлись с Пушкиным во мнении? Как развивались исследования по этой теме после революции?

Первое оригинальное исследование об оренбургском казачьем войске было издано уже в 1840 году. В этой книге хотя и собран фактический материал о войске, тем не менее составители ничего не сказали о положении войска в период восстания.⁸ Такой же тенденции

придерживается и Н. А. Маслаковец.⁹ Он также ничего не сообщает об Оренбургском казачьем войске этого периода.

После Пушкина войсковой старшина Ф. М. Стариков впервые упомянул о восстании. Он говорит, в своей работе, что оренбургские казаки в 1773 и 1774 гг. принимали деятельное участие в войне против Пугачева и его соратников, во время осады городов Оренбурга, Яика и Уфы, крепостей. Он отмечает, что оренбургские казаки находились в составе гарнизонов этих городов и крепостей, и большая часть из них за отличие в боях была награждена царицей-Екатериной II.¹⁰ Он сделал вывод, что оренбургские казаки в течение всего времени восстания оставались верными царской власти, а войсковое население хорошо помнит, по преданиям, кровавую драму.¹¹ Хотя он выясняет подробно положение оренбургского казачества во время восстания Пугачева, он написал свою книгу с официальных позиций. Он хотел показать, что Оренбургское казачье войско существует как особое государственное учреждение и оно всегда, даже во время восстания, было верно правительству.¹²

В начале XX века А. И. Никольский написал книгу об управлении казачьими войсками. Однако он не говорит об отношениях между оренбургскими казаками и восставшими. Он только отмечает: «Пугачевский бунт и последовавшие за ним усиление набегов киргизов (казахов – К. Т.) сильно расстроили линейную службу».¹³

Более оригинальные мысли по нашей теме высказывал советник Войскового хозяйственного правления полковник П. И. Авдеев. Историческая записка, которую он написал в 1873 году, была напечатана лишь в 1904 году. Он коснулся подробно вопроса о степени участия оренбургских казаков в восстании. Но он считал, что большая часть казаков была верна правительству и не участвовала в восстании. Его работа является первой в ряду оригинальных работ по нашей теме. Она основана главным образом на тех данных, которые автору удалось собрать в войсковых архивах.¹⁴ Его наблюдения очень интересны. Он сделал вывод: «Вообще, Оренбургские казаки, в это злополучное для края время, остались верны своему долгу, и в числе соучастников Пугачева видим только двоих из Оренбургских казаков».¹⁵ Является ли его мнение совершенно убедительным? Нет сомнения в том, что его социальное положение офицера оказало влияние на его трактовку восстания Пугачева и на выбор исторических материалов. Автор также стремился резко выступить против мнения Пушкина, упомянутого выше.¹⁶ Еще более удивительно то, что он отмечая участие в восстании оренбургских казаков, не хочет видеть, что казаки участвовали в восстании активно.¹⁷

Автор «Столетия Военного Министерства (1802-1902)», в 1907 году говорит, что оренбургские казаки принимали участие в подавлении восстания яицких казаков и также в подавлении восстания Пугачева.¹⁸

В. Х. Казин, в 1912 году, отмечает, что во время восстания Пугачева оренбургские казаки оставались верными правительству по долгу присяги

и при взятии крепостей попали в плен к восставшим. «Самое ничтожное число Оренбургских и Исетских казаков, поверив рассказам Пугачева и его приверженцев, приняло сторону мятежников, потому Оренбургские казаки не пользовались доверием Пугачева и его единомышленников».¹⁹

Анонимный автор статьи в «Военной энциклопедии» также отмечает, что во время восстания Пугачева оренбургские казаки не участвовали в движении повстанцев.²⁰

В начале XX века были опубликованы материалы по историко-статистическому описанию оренбургского казачества. Хотя эти документы отражали мнение официальной историографии того времени, они представляют интерес для сегодняшних исследователей.²¹ Материалы о восстании Пугачева, показывают только то, что оренбургские казаки были верными правительству.²²

В ряду других работ по истории оренбургского казачества, Н. Ф. Дубровин также, в капитальной монографии о восстании Пугачева, объясняет положение оренбургского казачества, особенно действие сотника Т. И. Падурова.²³ Его исследование, как и работа А. И. Дмитриев-Мамонова,²⁴ является очень важным сборником материалов.

Авторы XIX – начала XX вв. в вопросе о положении казачества в эпоху восстания Пугачева предпочитали придерживаться правительственного, или официального воззрения. В дореволюционной историографии об оренбургском казачестве по нашей теме не проявились отчетливо влияния развития народнической и революционной историографии, ибо большинство авторов истории оренбургского казачества было офицерами казачества. Авторы (П. И. Авдеев и Ф. М. Стариков), посвятившие свои труды Оренбургскому казачьему войску, также идеализировали его историю рассматривали казаков «как наследников русских богатырей», «идеалом мощи, отваги и удалства», называли их «передовыми людьми колонизации», «отыскателями путей новых земель». Авторы всячески рекламировали «заботу» самодержавия о «благее» казачества, изображали отношения между царями и казачеством как мирные на протяжении всей истории царизма и казачества.²⁵

Без выяснения той роли, которую сыграли различные слои казачества в назревании и организации восстания Пугачева, в выработке его социально-политической «программы» и т. д., невозможно удовлетворительное решение проблемы.²⁶ Поэтому нам надо рассмотреть работы вышедшие после революции.

После революции, большое внимание уделяется вопросам истории так называемых крестьянских войн. Однако следует отметить, что до 50-х годов не появилось специального исследования об истории казачества и до сих пор не существует монографии по данной теме. Мы можем отметить две причины этого. Во-первых, в ряде работ, особенно написанных в первые годы после революции, эти вопросы раскрывались еще под влиянием историографии XIX века.²⁷ Но у них была и другая особенность – выдвижение смелых, неординарных мыслей по поводу народных

восстаний, многих из них которых, к сожалению, не получили дальнейшего развития в последующей советской историографии.²⁸ Во-вторых, в 1920 году оренбургское казачество было ликвидировано в связи с управлением казачества. Видимо поэтому специального исследования по рассматриваемой теме не появилось до сих пор.

В 1950-х годах оживился интерес исследователей к истории Пугачева и появились специальные работы по истории казачества в эпоху восстания Пугачева. В то же время горячие дискуссии и многочисленные исследования по восстанию Пугачева стимулировали и изучение участия оренбургского казачества в нем. Участию оренбургских казаков в восстании посвящены работы В. А. Спиркова. Он ввел в научный оборот ряд новых, ранее не известных архивных материалов. Хотя он выяснил ход осады Оренбурга восставшими – это является одним из самых ярких событий восстания Пугачева – но, к сожалению, не коснулся вопроса об отношении между оренбургским казачеством и восставшими.²⁹

Весьма важные вопросы истории оренбургского казачества и восстания раскрыты в трехтомном труде по редакции В. В. Мавродина. Здесь отмечает, что не только яицкие, илецкие и исетские, но и оренбургские казаки приняли активное участие в восстании.³⁰ Мавродин подчеркнул, что для восстания Пугачева характерны не только антифеодальные лозунги, но и лозунги казачьего самоуправления.³¹

А. И. Андрущенко тоже отмечает важные вопросы по нашей теме. Он рассматривает указы в Уложенную Комиссию яицких, оренбургских и других казаков Приуралья, которые содержат интересный материал, характеризующий их настроения и требования. В наказе яицких казаков, кроме экономических требований, высказана просьба сохранить оставшиеся казацкие права и вольности. Наказа оренбургских казаков по характеру требований существенно отличается от требований яицких казаков. Объясняется это прежде всего тем, что оренбургское казачье войско состояло по царскому указу из казаков разных городов (Самары, Уфы и др.) и других групп населения, несших обязанности по охране границ. Среди них было некоторое количество дворян. Андрущенко, поэтому, отмечает, что оренбургские казаки были лишь по названию казаками, но по роду службы являлись военнообязанными людьми царского правительства. Таким образом, оренбургские старшины и зажиточные казаки добивались права владеть крепостными, управления в чинах и наградах с офицерами регулярной армии, владения землей, т.е. сближения с дворянским сословием. Такие социально-политические стремления оренбургских казаков в значительной степени объясняют, почему они в массе своей не пошли за Пугачевым. Однако среди оренбургских казаков были и сторонники восстания. Депутат оренбургских казаков сотник Т. И. Падуров перешел с казацким отрядом на Пугачева.³²

Р. В. Овчинников, в 1970-х годах, исследовал послания ставки Пугачева в осажденный Оренбург. Открывая новые документы в

архивах, он подробно рассматривает письма Падурова. Его работа важна для исследования действия Падурова в восстании.³³

М. Д. Машин, в 1977 году, рассматривая положение оренбургских казаков накануне восстания, отмечает, что тяжкое экономическое положение бедноты, притеснения и произвол со стороны комендантов крепостей и офицеров вынуждали казаков, участвовать в восстании Пугачева.³⁴

Кроме этих работ, появились и другие исследования. В 1973 году С. А. Попов рассмотрел положение Оренбургской губернии накануне восстания Пугачева. Наиболее крупным поселением оренбургских казаков было предместье г. Оренбурга – форштадт, или Георгиевская казачья слобода. К числу оренбургского казачества относилась также Бердская казачья слобода вблизи города Оренбурга. Попов также отмечает, что Оренбургское казачество примкнуло к восстанию и активно участвовало в событиях восстания Пугачева.³⁵

Я полагаю, что не только вышеупомянутые исторические исследования, но также работы, посвященные фольклору, интересны для изучаемой темы. А. И. Мякутин и П. П. Малый, например, записали и опубликовали тексты исторических песен оренбургских казаков, посвященных восстанию Пугачева. Историческая песня оренбургских казаков передает настроение рабочих, крестьян и трудового казачества, помогавших Е. И. Пугачеву и его армии. Замечательно то, что несмотря на запрет царской цензуры, песня была распространена до революции почти во всех казачьих войсках – Донском, Сибирском, Уральском и др.³⁶

Можно сделать следующие выводы. До революции авторы работ пытались игнорировать степень участия оренбургских казаков. Они полагали, что большинство казаков было верны царскому правительству. Они отражали официальную точку зрения на восстание. В советское время эти вопросы в историографии получили обратное толкование. Однако, хотя работы советских исследователей позволяют продвигать историографию по этой теме, в то же время, они несколько преувеличивают степень участия оренбургских казаков в восстании. Цель настоящей работы сделать полную сводку, провести систематическое исследование и изучить характерное положение оренбургского казачества в канун восстания Пугачева.

3

С построением Оренбурга связывались обширные колонизационные планы края правительством. Образование Оренбургского казачьего войска тесно связано с историей города Оренбурга и Оренбургского края. В его устройстве принимали активное участие казаков. Поэтому необходимо рассмотреть положение края в канун восстания Пугачева.³⁷

В начале XVIII в. Петр I проводил активную внешнюю политику. Если на западе главным для России было закрепиться на берегах Балтийского

моря, то на Востоке важной задачей являлось установление широких экономических связей с восточными странами – Китаем, Индией, Ираном и более близкими соседями – казахскими ханствами и Средней Азией.³⁸

Петр I также стремился овладеть знаменитым золотым рудником Василь Кара около Ургенча и построить несколько крепостей на Амударье, чтобы обеспечить русской торговле легкое и надежное сообщение со Средней Азией и Индией. Активизация русской политики связана с экспедицией А. Бековича-Черкасского в 1716-1717 гг. в Хиву и Бухару. Петр I предложил хивинскому и бухарскому ханам подчиниться России.³⁹

В начале XVIII в. южноуральские степи являлись далекой юго-восточной окраиной России, а Яик – пограничной рекой. Основными жителями южноуральских степей были башкиры и отчасти калмыки. Заволжская степь все более и более осваивалась. Увеличивалась численность Яицкого казачьего войска за счет крестьян, бежавших от помещиков, от гнета дворянского государства. В первом десятилетии XVIII в. вновь возникло русское поселение на берегах Сакмары, на месте нынешнего с. Сакмара. Оно получило названия – Сакмарский казачий городок. Со времени своего основания городок стал прибежищем беглых крестьян. До основания г. Оренбурга он был единственным русским населенным пунктом в этих местах.

Казахстан, в начале XVIII в., как и в предшествующее время, представлял собою политически раздробленную страну. Казахские кочевые роды были объединены в три государственных образования – жузы: Старший, Средний и Младший. До 1740-х гг. подданство России приняли Средний и Младший жузы (Старший жуз – позднее).⁴⁰

С середины XVIII века царское правительство принимает ряд мер к строительству и улучшению оснащения линий военных укреплений в Поволжье, Приуралье, Сибири и Казахстане. Это повлекло за собой потерю казахами больших районов традиционных кочевков и сокращение землепахотных участков.

В результате ряд законодательных актов (1742, 1755, 1756, 1764 годов), казахи потеряли пастбище между Яиком и Волгой.⁴¹ У берегов Каспийского моря им была запрещена перекочевка и использование левобережья Яика, Иртыша, верховьев Ишима, Тобола. Существовали запретные земли и в районе Илека. При этом казахов лишили доступа к соли, добываемой в районе Илецкой Защиты. Земли были частью переданы служилому казачеству, русским помещикам, частью зарезервированы. Это нарушило сложившуюся систему перекочевков.

4

Присоединение казахов к Русскому государству выдвинуло перед правительством новые крупные политические и экономические задачи.

В 1734 г. обер-секреталь Сената Иван Кириллович Кирилов, выходец из народных низов и крупный ученый, подал правительству обширное «Представление» о задачах России на Востоке. Центральным пунктом его было предложение построить город-крепость у устья р. Орь. Об этом просил и хан Младшего жуза Абул-Хайр. Предполагалось, что через новый город будет вестись обширная торговля не только с Казахстаном, но и со Средней Азией и с далекой Индией. Проект И. К. Кирилова был утвержден, а он сам назначен начальником экспедиции для основания города.⁴²

Будущему городу была дана грамота – «Привилегия». В нем объявлялись многочисленные льготы населению. В указе говорилось так: «Пожалованную городу Оренбургу привиллегию (sic) напечатав, публиковать, и срок о торговле в Оренбурге безошлинной, для новости места, продолжить всего времени еще 6 лет».⁴³

В августе 1735 г. экспедиция достигла устья р. Орь. На месте современного старого Орска И. К. Кирилов заложил 15 августа крепость, а 31 августа – город Оренбург, в 1738 г. вне стен города был построен деревянный Меновой двор, положивший здесь начало регулярной торговле русских с казахами, хивинскими и ташкентскими купцами.

В Оренбурге разместился военный гарнизон. Для обеспечения безопасного проезда в Оренбург И. К. Кирилов в 1736 г. основал невольшие крепость по Яику: Губерлинскую, Озерную, Бердскую, Камыш-Самарскую.

В 1737 г. после смерти Кирилова его преемником стал известный русский ученый, общественный и политический деятель В. Н. Татищев. В 1738 г. он осмотрел Оренбург и пришел к выводу, что город необходимо перенести на место, где в наше время стоит с. Красногор Саракташского района. Оренбург был отдален от других российских городов, затоплялся в весеннее время, не имел достаточных дорог, поблизости отсутствовали леса. Правительство согласилось с В. Н. Татищевым. Указ от 29 августа 1739 г. было предложено «город Оренбург строить на изысканном месте вновь при Красной горе . . . а прежний Оренбург именовать Орская крепость».⁴⁴

В начале 1742 г. начальником Оренбургской комиссии (так стала именоваться Оренбургская экспедиция со времени В. Н. Татищева) был назначен И. И. Неплюев. 19 апреля 1743 г. город был заложен на его теперешнем месте.⁴⁵

Оренбург строился как крепость. Его окружил высокий земляной вал с 10 бастионами и 2 полубастионами. С внешней стороны вала шел глубокий ров. Одновременно с постройкой города на его восточной стороне, за крепостным валом, возник форштадт (предместье) – теперешний Красный посад. Его заселили преведенные сюда казаки.

15 марта 1744 г. была учреждена Оренбургская губерния с центром в Оренбурге. С образованием Оренбургской губернии в руках ее губернатор была сосредоточена вся полнота власти как в мирное, так и в военное время. Они единолично осуществляли политику царизма в этой отдаленной и своеобразной окраине России. Им были подчинены не только дела судебные и административные, от них непосредственно зависел и

дипломатические отношения со среднеазиатскими ханствами. Оренбургский военный губернатор являлся высшим представителем правительственной власти в губернии. В его лице соединялись два начала: правителя губернии и командира. Отдельного оренбургского корпуса по управлению войсками Оренбургского края. Как военный губернатор ему поручилось «ведать и киргизский народ и тамошние пограничные дела».⁴⁶ Первым Оренбургским губернатором стал И. И. Неплюев.

Военно-административное значение Оренбурга сначала преобладало над экономическим: город скорее являлся средоточием военных и гражданских чинов, а не купцов и ремесленников. В то же время Оренбург обладал большим и интенсивно растущим посадом и обрастал слободами. Много здесь было также иноземных восточных купцов, – вместе с Астраханью Оренбург стал важным пунктом торговли России со Средним Востоком. Значение молодого города выявилося и в том, что уже в 1744 г. была создана Оренбургская губерния, в границы которой входила провинция, возглавляемая укрепившимся городом Челябинском.⁴⁷

В 1734-1744 гг. развернулась деятельность Оренбургской экспедиции, основной задачей которой являлось политическое и хозяйственное освоение казахских степей, налаживание торговых связей со среднеазиатскими ханствами и через них с Индией. Опорным пунктом должен был стать город Оренбург. Вместе с тем предполагалось построить линию крепостей, чтобы разработать обширный план развития производительных сил Башкирии – распространения земледелия и использования недр.⁴⁸

К крепостному строительству, а также к сооружению Оренбургской укрепленной линии в большом количестве привлекались местные крестьяне, благодаря чему еще больше увеличились повинности населения Башкирии.

В 1735 г. башкирские народы подняли восстание. Непосредственным поводом к этому была деятельность Оренбургской экспедиции. Постройка Оренбурга и крепостей на территории Башкирии сопровождалась изъятием части башкирских земель. Среди башкир распространилась молва, что русские «якобы всеми землями хотят завладеть, и того бы ради всеми силами противиться и город Оренбург строить не давать, толкуя, что из-за того им никакой воли не будет».⁴⁹ Башкирское восстание было жестоко подавлено.⁵⁰

В. Н. Татищев продолжил политику своего предшественника в отношении башкир. По его приказу восставшим отрезали носы и языки, отсекали руки и ноги.⁵¹ Это еще больше ожесточало башкир и они вновь поднимали восстания. Жестоко подавляя их сопротивление, В. Н. Татищев упорно проводил в жизнь намеченные мероприятия. Так как ни Кирилов, ни Татищев не смогли до конца справиться с восстаниями башкир, доведенных до отчаяния, царское правительство решило применить более суровые меры, назначив в 1739 г. начальником Оренбургской комиссии генерала В. А. Урусова. Назначение боевого

генерала определило дальнейшее направление политики царизма в Башкирии. В. А. Урусову было приказано «огнем и мечом» положить, конец башкирским волнениям и построить новые крепости на границе с казахской степью и Башкирией, продолжив их линию дальше по Уралу и реками Ую и Тоболу до границ Западной Сибири. На укрепленной Оренбургской линии, протянувшейся на 1100 верста, до 1759 г. было построено 23 крепости, главными из которых были Орская, Троицкая, Петропавловская.⁵²

Прибыв в край с большими военными силами, В. А. Урусов окончательно подавил восстание. Для устрашения восставших, как писал В. Н. Витевский, «бунтовщиков» сажали на железные колья, укрепленные на каменных столбах, вешали за ребра не железные крючья, рубили им головы. 17 сентября в присутствии самого Урусова в Сакмарском городке 125 восставшим отрубили головы, 50 человек повесили, 300 отрезали уши и носы. По данным Оренбургской и Башкирской комиссий, с 1735 г. по 1740 г. было казено более 16 тысяч человек, многие были сосланы матросами во флот, более 9 тысяч женщин и детей роздано русским помещикам в качестве крепостных, разорено около 700 башкирских деревень.⁵³

В 1742 г. Оренбургскую комиссию возглавил И. И. Неплюев. Изучив положение дел, он получил об Оренбургском крае самое безотрадное впечатление: «здесь не было должного административного порядка, местное население открыто проявляло недовольство». Экономическое положение «инородцев» и русских поселенцев края оставалось к тому времени крайне тяжелым; многие деревни были разорены, большие пространства плодородной земли лежали нетронутыми. О широкой торговле не могло быть и речи. От Каспийского Аральского морей почти не было укрепленных пунктов. Сам Оренбург был также укреплен плохо – крепость была окружена плетнем, находившимся наверху земляного вала и охранялась небольшим гарнизоном.⁵⁴

Вместе с тем, для окончательного «умиротворения» Башкирии и для изоляции ее от «азиатских народов», устроено было кольцо линейных укреплений, обращенных, затем, в станицы Оренбургского и Яицкого казачьих войск.

5

Во второй половине XVIII в. хозяйстве губернии, как и во всей стране, появились новые черты: развивалась металлургическая промышленность, ширилась торговля, особенно внешняя, постепенно разрушалось крестьянское натуральное хозяйство.

С середины XVIII в. в оренбургских степях начало усиленно развиваться земледелие, чему способствовали огромные пространства, годные под пашню. Но мало численность населения и примитивный инвентарь мешали использовать природные богатства в полной мере. В

1762 г. оренбургский историк П. И. Рычков писал, что в губернии из множества пригодных к обработке «пахотных земель и сотая часть к пашне не употребляется».⁵⁵

Большое место в крестьянском хозяйстве занимало скотоводство. У казахов, башкир и калмыков оно являлось основным занятием. Казахи вели кочевое скотоводство, разводили главным образом лошадей и овец. Башкиры вели полукочевое скотоводство, а местами переходили к земледелию. Главное занятие яицких казаков составляли рыбная ловля и скотоводство.

В XVIII в. Урал стал основным центром металлургии и металлообработывающей промышленности России. В 1762 г. в Оренбургской губернии было 15 медеплавильных и 13 железодетальных заводов. Они размещались главным образом на территории Башкирии. В 1797 г. все заводы губернии выплавили 39 тысяч пудов меди, 822 тысячи пудов чугуна и выковали 553 тысячи пудов железа.⁵⁶

В районе нынешнего Соль-Илецка издавна был известен соляной промысел. С 1753 г. разработкой соли начало заниматься государство. На месте добычи соли в 1754 г. было построено небольшое укрепление. Оно стало именоваться Илецкой Защитой и положило начало современному г. Соль-Илецку. Соль добывалась вручную. С 1732 г. по 1799 г. ее добыча составила около 8,5 миллиона пудов. Добывали ее ссыльные и каторжники. Условия их жизни и труда были невероятно тяжелыми.⁵⁷

Заселение степей, возникновение промышленности и расширение земледелия во второй половине XVIII в., а также развитие товарно-денежных отношений способствовало росту торговли, усилению и укреплению торговых связей губернии с центральными рынками России и странами Средней Азии.

Продукция местных металлургических заводов, соль, рыба, икра и рыбий клей, башкирский мед и воск, хлеб и скот, пушнина начали поступать на всероссийский рынок.

Активно развивалась внешняя торговля с Казахстаном и Средней Азией через Оренбург. В 1749-1754 гг. на левом берегу Яика и два верстах от города было сооружено огромное каменное здание – Меновой двор для ведения торговых операций. В начале здесь товары не покупались на деньги, а обменивались.⁵⁸

Торговые операции начинались весной и кончались поздней осенью. Караваны бухарских, хивинских, ташкентских, кашгарских и других среднеазиатских купцов привозили хлопок-сырец, хлопчатобумажные и шелковые ткани, готовую одежду, ковры, бухарскую мерлишку, сукна, фрукты, золото, серебро и различные драгоценные камни. Казахи пригоняли скот. Российские купцы привозили продукцию фабричной и заводской промышленности: ткани, выделанную кожу, краски, металлические изделия, деревянную посуду, предметы бытового обихода и украшения, продукты питания (сахар, хлеб). Продажа оружия казахам и

азиатским купцам была запрещена. В половине XVIII в. важным меновым товаром стал хлеб.⁵⁹

Важное место в торговле занимали и золото и серебро. В 1749 г. И. И. Неплюев писал в Сенат, что прибыло несколько бухарских и хивинских караванов, главный груз которых персидское серебро – 418 пудов 22 фунта. «И так как привозных туда из России товаров (было – К. Т.) только на 140000 руб., из чего надобных азиатским купцам едва ли, то, по просьбе русских купцов, принужден он дать им на почтовые подводы подорожные, с которыми они на своем коште отправляют нарочных в Москву и другие города, чтоб как можно скорее еще доставить нужных товаров в Оренбург...»⁶⁰

С 1748 г. по 1755 г. только официальным данным (т.е. не считая контрабанды) поступило 50 пудов золота, 4600 пудов серебра и много драгоценных камней.⁶¹

Золото и серебро являлось главнейшими из доставляемых Азией товаров вплоть до 70-х гг. XVIII в. П. С. Паллас, посетивший Оренбург в 1769 г., тоже на первое место ставит «... золото и серебро, по большей части в персидских монетах и в индейских рупиях состоящее да и самое песочное золото».⁶²

Однако боготейший торг шел и другими товарами, как я уже сказал. В общем оренбургская торговля давала казне 40-50 тысяч рублей таможенных сборов, т.е. в 2 – 2,5 раза больше, чем в Троицке (от 15 до 20 тысяч рублей).⁶³

Каменный гостиный двор в Оренбурге был едва ли не крупнейшим в России и в 70-х гг. имел 300 лавок. Казна получала с него доходу до 5000 рублей ежегодно.⁶⁴ Кроме него в трех верстах от города были еще вдвое большие Азиатский и Бухарский меновые дворы. Торговали в них под вооруженной охраной. На меновом дворе стоял отряд с пушками, а в степи летом, т.е. в разгар торговли, находился отряд казаков в несколько сот человек.⁶⁵ Меновые дворы давали, казне значительный доход: за 1746-1776 гг. он составил 1200 тысяч рублей.⁶⁶

Торговля с Азией давала русским купцам колоссальные барыши, первое время 100% и более; позднее они стали, правда, уменьшаться, но все же стояли на уровне 50-70%.⁶⁷

В Оренбурге не было почти ремесленников; нужда в них города удовлетворялись следующим образом. Сюда специально ссылали знающих ремесло преступников. При остроге было гончарное производство и кирпичное, дававшее 16-18 тысяч кирпичей в год.⁶⁸

Прежде всего правительство начинает ссылать в Оренбургский край преступников, причем мотивами ссылки были два положения, необходимо, чтобы «колодник» был способен к работе или к нерегулярной службе (указ 1744 года).⁶⁹ Таким образом те личности, которые считались преступниками во внутренней России, должны были сделаться пионерами-организаторами в Оренбурге. Ссылка эта существовала официально до 1773 г., когда Екатерина II указом воспретила ссылать «колодников» в

Оренбург и Оренбургский край, но, очевидно, запрещение было только на бумаге, так как уже в 1811 году явилась надобность в повторении этого запрещения, причем слово «колодник» заменено выражением «люди порочного состояния».⁷⁰

К 1770-м гг. Оренбург казался в самом расцвете своего развития и ему пророчили «... быть самым важным провинциальным городом в Российском государстве».⁷¹ Оренбург был главной крепостью и сборным местом Оренбургской линии. Вал, простирающийся на 3 версты, и сухой ров, выложенный рыхлым «пещаным» камнем, ограждали город при реке полукругом. В нем была артиллерия и «магазины» (склады – К. Т.), гарнизон состоящий из 4 баталионов и команда артиллеристов.⁷² «Выше города стоит казацкая слобода с одною церковью, а ниже оно находится российская слобода. В сем городе 4 ворот (Сакмарские, Орские, Яицкие, Самарские – К. Т.), 6 каменных и 3 деревянные церкви и 4 колодца. Присутственные места, губернская палата для исследования серебра, которого Бухарцы привозили сперва много... в 1770 г. строено было много казенных каменных домов; прочие, прямые, не мощеные, по которым весною бывает великая грязь, а летом сильная пыль. На конце города стоит деревянный осторг для преступников».⁷³

В 1770 г. было 1553 обывательские дома; хороших же садов нет ни в городе, ни за городом.⁷⁴ «Жители, кроме гарнизона имевшего 440 домов, состоят по большей части из казаков, у которых было 721 и у прочих Русских семейств 554 домов. Прочие жители суть: русские купцы, татары, армяне и несколько немцев, принадлежащих к милиции и имеющих протестантского дивизионного паспорта и церковь. По метрическим книгам 1768 г. было Оренбурге жителей греко-российского исповедания, кроме милиции 2220 душ м.п. и 2587 ж.п.; у них родилось 207, а умерло 272 человека. Сверх того живет здесь много ссылочных. Полиция и пожарная команда здесь весьма хороша, и несмотря на множество преступников, царствует здесь порядок и тишина».⁷⁵ П. И. Рычков пишет так: «Домов всякого звания людей, а по большей части служивых воинских из татарских чинов, внутри и вне народа построенных, по переписи по нынешней 1777 года (кроме имеющих за городом землянок) более 2000».⁷⁶ В положении о застроении годора Оренбурга после пожара 1786 года мы читаем, что мест, отведенных под постройку новых домов в Оренбурге значилось всего 414.⁷⁷

«Страна около Оренбурга есть тощая глинистая и холмистая степь. Климат суровый, воздух ясный и здоровый; морозы жестокие и от выюг (бураны) несносные; летом дожди случают редко, а потому и земля к плодородию не способна; арбузы и другие садовые плоды редко созревают; плодоносные деревья не растут; с страна сия по малу народонаселению лежит не возделанная. Кроме крепостей: находится здесь слободы, Каргала и Берда и несколько хуторов».⁷⁸

Чтобы показать состояние жизни в сей стране сообщим цены некоторым приписами, по П. И. Фальку, как они состояли в обыкновенном 1770 году.

Один пуд ржаной муки стоит 30-35 копеек, муки пшеничной 50-55 копеек, крупы гречневой 60-70 коп., говядины 30 коп., баранины летом 10 коп., зимой 15-20 коп.; большая «киргизская» овца от 1 рубля до 120 коп.; пуд сала 1 руб. 50 коп., фунт масла коровьего 4-6 коп., курица 3-5 коп., заяц 7-8 коп., пара терек 4-8 коп.; фунт хмеля 3 коп.; пуд масла орехового 12-16 руб., 1 пуд сахара – 16 руб., фунт кофе – 50 коп., «мерка» французского вина – 1 руб. 50 коп.⁷⁹

6

Оренбургская губерния, в которой вспыхнуло восстание Пугачева, делилась на четыре провинции: Оренбургскую, Уфимскую, Исетскую, и Ставропольскую.

В канун восстания Пугачева оренбургские степи находились в процессе заселения. Огромные их пространства были малонаселенными или являлись кочевьями и охотничьими угодьями. По левобережью Яика кочевали казахи Младшего жуза; безграничные степи между Яиком и Самарой и к югу от реки Самары являлись кочевьями и охотничьими угодьями башкир.⁸⁰

В конце XVIII в., по данным ревизских сказок (1795 г.), в пределах Оренбургской провинции насчитывалось до 100000 человек населения и до 400 населенных пунктов. Накануне же восстания население этого района было значительно меньше. Население было можно разделить на три части, по характеру ведения хозяйства: кочевое (казахи на левобережье Яика), полукочевое (башкиры и калмыки) и оседлое (русские, мордва, чуваш и татары). Промышленное производство ограничивалось добычей соли в Илецкой Зашите и медной руды на многочисленных мелких рудниках. Внутренняя торговля была развита слабо. Внешняя торговля сосредоточивалась в Оренбурге.⁸¹

Основным по численности населением этого района являлось крестьянство. Процент дворян – помещиков, служилого боспоместного дворянства, купечества и духовенства был незначителен. В Оренбургской провинции следует отметить два характерные черты: во-первых, местное население пополнялось ссыльными; во-вторых, в крепостях Оренбургской пограничной линии размещались военные гарнизоны.⁸²

Крестьянское население Оренбургской провинции делилось на три части: во-первых, на государственных и ясачных; во-вторых, на крепостных; в-третьих, на военно-служилых, пожизненно несших военную службу по охрану Оренбургской военной пограничной линии.

Число государственных или ясачных крестьян по отношению к другим категориям крестьянства было незначительно. К ним относились 4 русских поселения по данным третьей ревизии (1762-1763 гг.) – 1081 душа м.п., 4 поселения «из чуваш новокрещен» (свыше 400 душ м.п.) и несколько деревень «из мордвы новокрещен» (1010 душ м.п.), а также с известным ограничением, татаро-тептярское население,⁸³ размещенное

по Казанской дороге и обязанное, вместо внесения государственных налогов, исполнять ямскую повинность (свыше 200 чел. м.п.). Общая численность государственных крестьян составляла, таким образом, примерно 4,5 тысяч душ м.п.⁸⁴

Крепостное крестьянство состояло исключительно из русских крестьян. К ним относились 50 поселений русских крепостных крестьян общей численности (по третьей ревизии) свыше 3200 душ м.п. Из среды крестьянских поселений выделяется Каргалинская слобода, особенная казанскими татарами в 1745 г. Целью ее организации было развитие торговли со Средней Азией. В 1770-1771 гг. в ней насчитывалось свыше 2000 чел. м.п. Из них лишь часть занималась торговлей, большинство же являлось крестьянам. Каргалинская (или Сеитова – К. Т.) слобода была вторым по численности населенным пунктом в Оренбургской провинции.⁸⁵

К военно-служилому населению относились оренбургские калмыки, башкиры и Оренбургское казачье войско, оформившееся в 1748 г. состава казачьего населения, жившего по крепостям Оренбургской военной линии. Башкиры и калмыки несли военную службу по нарядам в летнее время на той же линии. Наиболее крупным поселением оренбургских казаков было предместье города Оренбурга – форштадт, или Геогриевская казачья слобода. К числу поселений оренбургского казачества относилась также Бердская казачья слобода вблизи города Оренбурга. К военно-служилому крестьянству причислялись также Самарского и Илецкого казачьих городов, относившихся к Яицкому казачьему войску. Общая численность военно-служилого сословия, жившего на территории этой провинции в канун восстания Пугачева, не подчитана. Но можно твердо утверждать, что она значительно превосходила число остальных категории населения. По сведения Оренбургской губернской канцелярии за 1770-1771 гг. численность только одного Оренбургского казачьего войска составили 14209 чел. м.п.⁸⁶

Многонациональное крестьянство и казачество, жившее в пределах Оренбургской провинции, несло все тяготы крепостнического строя. Рассмотрим положение Оренбургского казачьего войска в XVIII в.

7

Созданное в 40-х гг. XVIII в. Оренбургское казачье войско призвано было служить оплотом колонизации и русского абсолютизма на юго-восточных границах империи. Формирование этого войска происходило в то время, когда царизм стал активно вмешиваться во все стороны жизни казачества, т.е. не только в военную, но и в экономическую. Выполняя свой внешнеполитический план, особенно на юго-востоке страны, царизм создавал новые поселения казаков и, допуская некоторые элементы казачьего самоуправления, строго подчинял их военным и государственным органам. Это, в частности, относилось и к Оренбургскому казачьему войску. Оно создавалось по инициативе

царизма, поэтому при образовании Оренбургского казачьего войска были казачьи прядки, особенно казачье самоуправление, не вводились, а если допускались, то сразу же ограничивались различными инструкциями и уставами.⁸⁷

С постройкою г. Оренбурга, казаки Оренбургского края, хотя и назывались общим именем Оренбургских, но официально это название получили только в 1748 году, когда по указу Военной коллегии им был назначен первым войсковой атаман сотник Василий Иванович Могутов (до 1778 г.). К нему для управления войском были определены есаул и писарь. Эти три лица – атаман, есаул и писарь – составляли войсковую избу или канцелярию, управлявшую войсковыми делами.⁸⁸

Прежде тем преступить к постройке города, И. К. Кирилов сообщил, что население для колонизации можно привлечь из числа казаков, которые живут по берегам Волги и ее притоков, а также из числа самарских, волжских, уфимских, сибирских и частью яицких, которые по его мнению, могли служить прекрасным материалом для создания в крае казачества. Расселить их Кирилов предполагал в Оренбурге и во вновь построенных крепостях. Его планы были рассмотрены и одобрены правительством.⁸⁹ Вслед за тем последовал целый ряд правительственных распоряжений по устройству края.⁹⁰ Указ от 11 февраля 1736 г., например, объявляет: «Для поселения при Оренбурге и в других городах легких войск: принять вам охотников из Яицких казаков до 500 человек, да из Сибирских ближних городов казачьих и Дворянских детей Неверстаных, и не положенных в подушной оклад до 1000 человек, и из Уфимских служилых Мещеряков (Мишары – К. Т.), и при поселении дать им на строение домов денежного жалованья, против Волжских казаков».⁹¹

И. И. Неплюев, в 1743 г., заставил поселять при городе Оренбурге, особым форштадтом, переведенных из Уфы и Самары, 550 казаков, которые с Бердскими казаками составляли Оренбург из Самары казаков, поселены 100 человек из казачьей Мочинской слободы. Кроме того, были построены крепости: Танальцкая, Уртазымская, Кизильская и Магнитая на реке Яике; Устьуйская, Крутоярская, Каракульская и Троицкая на реке Уе.⁹² Станицы и форпосты, расположенные по рекам Яику, Урляди, Кадычау, Ую и Тоболу, составляли пограничную линию на 1800 верст.⁹³

В 1744 году число казаков в крае увеличилось до 2415 человек, потому что беглые были записаны в казаки в новопостроенных крепостях. Но и после этого Неплюев не перестал заботиться об увеличении казачьего населения, при каждом случае заявляя правительству необходимость завоевать башкиров и обезопасить край на случай вывода из него регулярных войск.⁹⁴ Поселение казаков по Оренбургской линии имело важное значение в охране безопасности заливных жителей, для развития сельского хозяйства и промышленности в крае. В действительности, здесь до этого времени не было вовсе заводской промышленности, а в короткое время, с 1745 г. до 1762 г., были устроены 15

медных и 13 мелезных заводов, и при них заведены поселения, из которых уже в то время некоторые имели до 200, а один 370 крестьянских дворов.⁹⁵

8

До 1748 года все казаки края были подчинены Оренбургскому губернатору и губернской канцелярии, как в военном, так и гражданском отношении, но общего, собственно войскового, управления не имели. Казаки Оренбургского края, называясь, по месту жительства, Самарскими, Уфимскими, Исетскими и Оренбургскими, были подчинены: Самарские – прежде самарской провинциальной канцелярии, а потом командирам ландмилицким полков; Уфимские и Исетские – провинциальным канцеляриям, а Оренбургские – Оренбургской комиссии. Для царизма неудобство такого порядка заведования казаками в военном отношении, с увеличением числа их и расселением по линиям Самарской и Оренбургской указало на необходимость подчинить их одной власти, и в 1748 году был опубликован указ об этом Военной коллегии. В 1748 году все казаки, жившие по крепостям Оренбургской военной линии, за исключением яицких, были объединены в Оренбургский нерегулярный корпус. Позже он стал именоваться Оренбургским казачьим войском. Казак, достигший 17 лет, зачислялся на службу и нес ее до тех пор, пока был в силах. Он должен был иметь ружье, саблю, пику, одежду установленного образца и две верховые лошади. За несение службы казаки наделялись землей.⁹⁶

15 мая 1755 года, штатом было определено число служащих чинов войска. Общий состав войска состоял из 5877 служащих чинов, распределявшихся следующим образом: во-первых, в Оренбурге: а) чины войскового управления (войсковая изба), а именно: войсковой атаман, есаул и войсковой писарь; б) «корпус Оренбургский», т.е. полк в составе 1000 рядовых (10 рот) и соответствующего (91 ч.) количества офицеров, урядников и писарей; во-вторых, в Бердской слободе 103 ч.; в-третьих, в крепостях Оренбургского ведомства 800 ч.; в-четвертых, в Ставропольском ведомстве (в Ставрополе, Самаре и Алексеевске) 250 ч.; в-пятых, в Уфимской провинции – 1250 ч. и в-шестых, в Исетской провинции – 1380 ч. Сверх того, в Оренбурге еще находилось 1000 ч. казаков сверхштатных.

Из них 4080 человек не получали жалованья, а на 1797 человек отпускалось жалованья 19554 руб. в год, из сумм государственного казначейства и доходов Оренбургской губернии. По количеству получаемого жалованья казаки делились на три части: «жалованных», «маложалованных» и «безжалованных». К первым относились только чины войска, которых половина находилась постоянно на службе. «Маложалованные» должны были выставлять на службу третью часть чинов и жалованье получали единственно на их «войсковую справку». «Безжалованные» же должны были содержаться от своего хозяйства.⁹⁷

Разряд «жалованных» составляли казаки Оренбургского корпуса, разделявшиеся на две смены, так что половина общего числа их находилась постоянно на службе; оклад жалованья определялся рядовым – по 15 руб., капралам и ротным писарям – 18 руб., урядникам – 21 руб., хорунжим – 24 руб., сотнику – 30 руб., полковнику – 120 руб. Разряд «маложалованных» составляли казаки Бердской крепости и 9 крепостей Оренбургского ведомства по рр. Яику и Самаре, а также казаки, служившие в г. Уфе. «Маложалованные» казаки разделялись на 3 смены, т.е. на службе находилась 3-я часть; назначавшее им жалованье имело характер пособия на снаряжение; оклады жалованья определялись; казаки 3-4 руб., писарям 6 руб., атаманам, сотникам и хорунжим 12-7 руб. Прочие казаки, числом 408 ч., вовсе не получили жалованья; на службу их выходила лишь четвертая часть.⁹⁸

9

Оренбургская линия для удобства в управлении разделена была на 6 дистанций и 6 резервных корпусов, но границы тех и других не совпадали, кроме первого корпуса и дистанции. Начальники дистанций назначались главным начальником края, а назначение командиров резервных начальникам. Для сохранения линии, даже мирное время, назначалось, как видно из сохранившегося расписания 1764 года, казаков 1226, драгунов 928, крещеных калмыков 303, башкир, мишарей и служилых татар 2004, а всего 4461 человек с 23 орудиями. Все население крепостей по линии, не входя в росписание, считалось в резерве, и крепостных караулов, а казаки еще в караул при конном табунае и в партии, посылавшиеся часто временно для преследования киргизских, прорывавшихся за линию для угона скота и захвата жителей и проезжающих. Поэтому в действительности не было насчитано число казаков на линейной службе.⁹⁹

В 1771 г. бегство волжских калмыков в китайские пределы и умножение набегов «киргизов» (т.е. казахов) убедили правительство, что этого числа войска в крае было недостаточно.

Главнейший недостаток был в подвижных отрядах, так как гарнизонные батальоны тронуться с места не могли, драгуны были разбросаны малыми частями по крепостям, а казаки по редутам, форпостам, пикетам, заставам, разъездам; башкиры же и калмыки были «надежными» воинами; пехоты было мало, а полевой артиллерии совсем не было. В виду этого Военная коллегия, всеподданнейшим докладом от 2 августа 1771 года, испрашивала разрешение прибавить в Оренбургскую губернию еще пять гарнизонных батальонов и сформировать три легкие полевые команды (6-ю, 7-ю, 8-ю) составленные из всех трех родов оружия: пехоты, артиллерии и кавалерии. В число пяти гарнизонных батальонов были обращены три бывшие ландмилицкие конные полка. Таким образом для защиты Оренбургской губернии предназначалось; 10 гарнизонных

батальонов в 8040 человек и три легкие полевые команды в 1623 человека, всего 9663 человека, 31 августа 1771 года предположения Военной коллегии были утверждены Екатериною II и к началу пугачевского восстания части эти были едва лишь переформированы, но не обучены и не снабжены.¹⁰⁰

10

Для внутреннего своего управления оренбургские казаки выбирали из среды своей атаманов, старшин и писарей. Кроме этих лиц, они по общему своему приговору, из своей же среды удостоивали к производству в войсковые чины: хорунжего, сотника, есаул и в звание старшин.¹⁰¹ Они тоже выбрали достойных для посвящения в сан священника и дьякона.¹⁰²

Ссоры, споры, мелкие жалобы и вообще все дела, кроме дел уголовных и касающихся поземельного надела, решались словесным судом. Все казаки служили до тех пор, пока были в силах; в отставку увольнялись только лишь за увечьем и дряхлостью.¹⁰³ Кроме того, существовали правила о лошадях, вооружении и форменных одеждах.¹⁰⁴

Рассмотрим казачьи повинности и «тягость». Казаки пограничных крепостей относили сторожевую службу, командировались в партии в глубь степей, для преследования неприятеля, конвоировали почту, проежающих и арестантов, назначались в караулы, на тяжелые крепостные работы, возили лес и материалы на своих лошадях. Командиры и коменданты нередко злоупотребляли своею властью: освобождали регулярных солдат от работ, а вместо них посылали одних казаков. Независимо от всего этого, казаки выполняли разного рода земские натуральные повинности, платили деньги на содержание станичных властей и станичного «присутствия» (аппарата – К. Т.).¹⁰⁵

Казаки внутренних крепостей несли обязанности по особым нарядам выслали команды на Оренбургскую линию. Исетское войско командировало ежегодно казаков из своей орды для охранения Нижне-Уйской линии: от крепости Верхнеяицкой до пределов Сибирского ведомства. Казаки же самарские, уфимские и внутренних крепостей охраняли линию от крепости Верхнеяицкой до крепости Чернореченской.¹⁰⁶

11

Казаки каждой крепости имели свои поземельные наделы. Земли отводились казакам по разным частным распоряжения главного начальника края, на основании царских повелений; но ни одно из них строго не определяло ни размеров надела на каждую душу, ни способалишь общие указания мер к заселению страны. По увеличении народонаселения, вскоре возникли между казаками и прочими сословиями, жившими в тех крепостях и в ближайших к ним местностях, обоюдные споры, которые возбудили во всех инстанциях громадную

переписку, тянувшуюся почти столетие без всякого результата, благодаря чему некоторые станицы оставались при 10-15-ти десятином наделе.¹⁰⁷

Казаки, обремененный службою, земскими, натуральными и денежными повинностями, действительно не имел достаточно свободного времени заняться ни хозяйством, ни каким либо промыслами. Много казаков кроме того, терпело недостаток в земле, а все это, взятое вместе, разрушительно отзывалось на их экономическом благосостоянии.¹⁰⁸

Характеризуя тяжелое состояние дел казаков в сельском хозяйстве и на промыслах, в 1758 году войсковой атаман В. И. Магутов доносил: «К домовою их экономии, к пашне и другими промыслами время им не остается, ибо они и по казенным делам в посылки употребляются», «... а ныне казаки, по недороду хлеба и по не отпуску их в летнее время для их промыслов, претерпывают голод, ...»¹⁰⁹

Могутов, в том же 1758 году докладывал Сенату о положении «безжалованных» казаков: «Из состоящих на линии и в провинции нерегулярных команд и сверх ординарной службы почти каждое лето по немалой части и другие места тамошние линии в поход для содержания форпостов посылаются... , что часто и никто дома из них не остается, а командирующиеся, как будучи отлучены из домов своих, через все летнее время и служба во всем собственным своим коштом без жалования, не только дома свои разорили, но и сами, будучи на службе, претерпевают крайний голод, как-то и прошлом лете нежалованные казаки в таком крайнем недостатке находились, что самой важнейшей вещи – соли – купить было не на что, а ежели им и в нынешнее лето без жалованья служить, то они в такое состояние придут, что и поправить их будет невозможно».¹¹⁰

Тяжелое положение казаков, объясненное в выпуске из рапорта войскового атамана Могутова не было преувеличено. Ходатайство его было признано Неплюевым и Военной коллегией, Сенат принимал специальный указ, согласно которому оренбургским казакам устанавливалось такое же жалование, выдавалось такое же количество провианта и фуража, как и донским и яицким казакам, но лишь при командировках далее 100 верст от дома.¹¹¹ Но еще было недостаточно для «безжалованных». Оренбургский губернатор Д. В. Волков писал в 1763 году о казаках и поселенцах края: «Сии люди в такой бедности, и в таких тяжких всегда работах, что самим варварам, смотря на них, нельзя не сжалиться».¹¹²

Тягость имущественного положения казаков значительно усугублялась производом и жестокостью местных властей. По рассказам, записанным со слов казаков, «коменданты, пользуя отделенностью местной и высшей властей власти от их места жительства, опасностью в те времена самого проезда к крепостям Оренбургской линии, присвоили себе широкие права карать и говорили казакам: «Я вам Царь и Бог, что хочу, то и сделаю». Доходило до того, что солдатские капралы наряжались для присмотра за казачьими домами, входили в домашнюю жизнь казака и на этих капралов

приходилось работать как помещников. Строгость же по службе была жестокая; за недосмотр, например, в разъезде прогоняли три раза «шпицрутенами» через 1000 человек, о чем ясно свидетельствуют некоторые послужные списки казаков, хранящиеся в войсковом архиве».¹¹³

Вследствие принятых правительством мере, в 1768 году мужское население Оренбургского войска исчислялось в 13769 душ, в том числе: на действительной службе – 4770 чел., отставных 2423 чел., малолетков и детей – 6576 чел.¹¹⁴

Увеличение числа казаков должно было несколько облегчить тягость их службы, но все же, за отсутствием надлежащих мер к обеспечению быта оренбургских казаков, они представляли ненадлежащий элемент.

Кроме того, для казаков страшила служба вместе с регулярными солдатами, т.к. она означала начало уничтожения политическо-юридического статуса вольного казачества.¹¹⁵

Военная служба казаков Оренбургского войска, в первый период его существования, т.е. в течение XVIII в., была почти исключительно местная. Оренбургские казаки охраняли оренбургскую линию, отражали и преследовали группы «киргизов» (т.е. казахов), отбивая у них пленных, которых те продавали в Хиву. Им же приходилось усмирять волнения, нередкие среди башкиров и мишарей: как, в 1755 г., им пришлось подавить восстание башкиров под руководством муллы Батырши Алеева.¹¹⁶ В 1771 г. оренбургские казаки были посланы в погоню, не увенчавшуюся успехом, за калмыками, решившими уйти из русских пределов в Китай. Довольно видное участие оренбургские казаки принимали в подавлении восстания яицких казаков в 1772 г.¹¹⁷

12

В первой половине XVIII в. были в основном завершены работы по пограничной линии Оренбурга, позволившей обезопасить южные границы Русского государства и укрепить его влияние в этих районах. Был построен город Оренбург, ставший важнейшим центром торговли со среднеазиатскими ханствами. Проводились большие мероприятия по оживлению торговли.

С построением Оренбурга связывалось обширные эксплуатационные планы края. Образование оренбургского казачества тесно связано с историей города Оренбурга и Оренбургского края. В него устройстве принималось активное участие казаков. Оренбургское казацье войско, с самого начала его создания, потеряло всякую «вольность».¹¹⁸ Ряд обстоятельств способствовал тому, что Оренбург и его окрестности стали основными аренами действий восстания Пугачева, и нерусские и казаки принимали участие активно в этом движении.

Примечания

- 1 В. В. Мавродин, “Крестьянская война в России в 1773-1775 годах (К 200-летию),” Вопросы истории, № 9 (1973), стр. 64-77.
- 2 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева, 3 тт. (Л., 1961, 1966, 1971).
- 3 Библиографию по истории восстания Пугачева, опубликованную за период с 1917 по 1980-е гг. см.: Указатель советской литературы за 1917-1952 гг., ч. 1-2 (М., 1956-58); Л. В. Черепнин (отв. ред.), Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения (М., 1974), стр. 432-444; В. И. Буганов (науч. ред.), Предводители крестьянских войн в России XVII-XVIII вв.: Страницы биографий: рек. указ. лит-ры (М., 1979) стр. 53-55; М. Г. Белявский, “Крестьянская война 1773-1775 гг. и ее особенности,” Вестник МГУ. Сер. истор., № 4 (1974), стр. 64-77; В. И. Корецкий, Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России (М., 1975); В. И. Буганов, Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв. (М., 1976); Л. В. Милов, “Классовая борьба крепостного крестьянства в России XVII-XVIII вв.,” Вопросы истории, № 3 (1981), стр. 34-52; П. И. Рыунздюнский, “Идейная сторона крестьянских движений 1770-1850 годов и методы ее изучения,” Вопросы истории, № 4 (1983), стр. 4-16 и др.
- 4 См. Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения, стр. 444; К. Тоёкава, “Народные движения и их стремления в XVIII в. К восстанию Пугачева,” Сякайгаку-Токию, № 97 (Университет Васеда, Токио, 1988)(на япон. языке) и др.
- 5 И. Г. Рознер, “Социально-экономические отношения на Яике накануне крестьянской войны 1773-1775 гг. под руководством Е. И. Пугачева,” Научные записки Киевского фин.-экон. ин-та., вып. 7 (1958); Его же, “Яицкое казачество накануне Крестьянской войны 1773-1775 гг.,” Вопросы истории, № 10 (1958); Его же, “А. С. Пушкин – исследователь истории казачества. К 160-летию со дня рождения А. С. Пушкина,” Советская Украина, № 6 (1959); Его же, Яик перед бурей. Восстание 1772 года на Яике – предвестник Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева (М., 1966); Его же, Казачество в Крестьянской войне 1773-1775 гг. (Львов, 1966); Его же, “Казачество в Крестьянской войне по предводительством Е. И. Пугачева,” Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски решения; А. И. Андрущенко, “Классовая борьба яицких казаков накануне Крестьянской войны 1773-1775 годов,” История СССР, № 1 (1960); Его же, “О самозванстве Е. И. Пугачева и его отношениях с яицкими казаками,” Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России (М., 1961); Его же, Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири (М., 1969); Л. Д. Рыслаев, “Пугачев в Саратове,” Вестник

- ЛГУ, № 8 (1962); А. П. Пронштейн, Земля Донская в XVII-XVIII веках и Донское казачество (Ростов н/Д., 1983).
- 6 См. указанные работы И. Г. Рознера. В XIX-XX веках уже опубликованы важные исследования о истории Яицкого казачества. А. И. Левшин, Историческое и статистическое обозрение Уральских казаков (1823); “Волнения на Яике перед пугачевским бунтом,” Памятники новой русской истории Сб. ист. ст. и материалов, т. 11, изд. 3 Кашпировым (СПб., 1872); В. Н. Витевский, “Яицкое войско до появления Пугачева,” Русский архив, кн. 2, 3 (1879); Д. Анучин, “Происшествия на Яике в 1772 году,” Современник, т. 92 (1862); А. Рябинин, “Яицкое Казачество,” Русский вестник, т. 46 (1863), т. 52 (1864); Е. Н. Кушева, “Яицкое Казачество,” Очерк истории СССР XVIII в. (М., 1955); В. Н. Дариенко, Классовая борьба на Яике в XVII – начале XVIII в. (М., 1966).
 - 7 А. С. Пушкин, Полн. соб. соч. в 17 томах, т. 9, ч. 1 (М.-Л., 1938).
 - 8 Положение об Оренбургском Казачьем войске (СПб., 1840).
 - 9 Н. А. Маслоковец, Оренбургское казачье войско (1873). Рукопись. См. Военная энциклопедия, т. 177 (Пг., 1914), стр. 150. Его другая рукопись по Оренбургскому казачьему войску сохраняется в отделе рукописей Государственной Публичной Библиотеки имени Салтыкова-Щедрина (ОРГПБ. ФХV 11-109/2). Автор, к сожалению, как иностранец неразрешен использовать эту рукопись в 1990 году.
 - 10 Ф. М. Стариков, Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска (Оренбург, 1891), стр. 82-88, 116.
 - 11 Там же, стр. 88; Его же, Откуда взялись казаки? (Оренбург, 1881); Его же, Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска (Оренбург, 1890); Его же, Исторический очерки присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества (Оренбург, 1891).
 - 12 Его же, Краткий исторический . . ., стр. 511.
 - 13 Столетие Военного Министерства. 1802-1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк, т. 11, ч. 1 (СПб., 1902), стр. 77. С. Н. Севастьянов тоже не сказал о ходе восстания Пугачева (С. Н. Севастьянов, “История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати. По материалам войскового архива,” Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. 5, (Оренбург, 1899)).
 - 14 П. И. Авдеев, Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, (Оренбург, 1904), стр. 1.
 - 15 Там же, стр. 128-133.
 - 16 Там же, стр. 130.
 - 17 См. там же, стр. 132-133, 173-174.
 - 18 Столетие Военного Министерства. 1802-1902. Военная повинность казаков. Исторический очерк, т. 11, ч. 3 (СПб., 1907), стр. 337.
 - 19 В. Х. Казин, Казачьи войска (СПб., 1912), стр. 259.

- 20 Военная энциклопедия, т. 17 (Пг., 1914), стр. 150.
- 21 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского войска, вып. 3 (Оренбург, 1903).
- 22 Там же, дело №№ 126, 129, 134, 137.
- 23 Н. Ф. Дубровин, Пугачев и его сообщники (СПб., 1884), 3 тт. См. особенно т. 2.
- 24 А. И. Дмитриев-Мамонов, Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири (СПб., 1907). Однако он отмечает только, что Оренбургское войско сражалось с восставшими, (Там же, стр. 117).
- 25 М. Д. Машин, “Литература XIX века об Оренбургском казачьем войске,” Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII – начала XX вв.: Материалы региональной научной конференции. 12-14 мая 1983 г. г. Оренбург (Свердловск, 1983), стр. 50.
- 26 См. В. В. Мавродин, “Основные исследования Крестьянской войны 1773-1775 гг. в России,” Крестьянская война..., т. 2, стр. 7-27.
- 27 См. Н. А. Рожков, Русская история, т. 7 (Пг., 1929), стр. 77-78; Его же, Методика преподавания истории и история XIX века (Пг., 1918), стр. 23; М. Я. Феноменов, Разиновщина и пугачевщина (М., 1923); М. Н. Покровский, Русская история, т. 2 (М., 1933), стр. 28, 131 и другие его работы; Г. Е. Меерсон, “Ранняя буржуазная революция в России. Пугачевщина,” Вестник Коммунистической Академии, т. 13 (1925); С. Пионтковский, Очерк истории России в XIX-XX веках (М., 1928).
- 28 С. Симонов, Пугачевщина (Харьков, 1931); С. И. Тхоржевский, Пугачевщина в помещичьей России (М., 1930); М. Н. Мартынов, “Против буржуазной тенденции в советской исторической науке,” Проблемы марксизма, № 506 (1930); Его же, Восстание Емельяна Пугачева, Сб. док. (Л., 1935); Н. Войтинский, Пугачевщина (М., 1931); М. В. Нечкина, Крестьянские революции. Разинщина и пугачевщина (М.-Л., 1930).
- 29 В. А. Спирков, Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Оренбургском крае – Осада Оренбурга и Яицкого городка. Автреф. (Л., 1965); Его же, “Осада Оренбурга и Яицкого городка,” Крестьянская война..., т. 2.
- 30 Там же, т. 2, стр. 466-467; т. 3, стр. 23-24.
- 31 Там же, т. 2, глава 12.
- 32 А. И. Андрущенко, Указ. соч., стр. 105-108. В докладе Военной коллегии об устройстве Оренбургского войска в 8 июня 1803 г., говорится так: «В числе служащих ныне (1803 г. – К. Т.) в Оренбургском казацком войске чинов и казаков состоят несколько дворянских родов, которые переведены и причислены в оное при заведении города Оренбурга из городов Самары и Уфы, из существовавших там дворянских рот» (Столетие Военного Министерства. 1802-1902, т.11, ч. 2 (СПб., 1902), стр. 309).
- 33 Р. В. Овчинников, “Послания ставки Е. И. Пугачева в осажденный Оренбург,” Героические страницы истории народов нашей родины,

- стр. 80-84; Его же, "Послания ставки Е. И. Пугачева в осажденный Оренбург," Научная конференция, посвященная 200-летию Крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева: тезисы докладов (Оренбург, 1973), стр. 24-25.
- 34 М. Д. Машин, "Участие оренбургских казаков в крестьянской войне 1773-1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева," Народы в Крестьянской войне 1773-1775 гг. (Уфа, 1977), стр. 109.
- 35 С. А. Попов, "Оренбургская губерния накануне крестьянской войны 1773-1775 гг. – численность, национальная и социальный состав населения, социально-экономическое положение," Научная конференция . . ., стр. 17-19.
- 36 А. И. Мякутин, Песни оренбургских казаков, вып. 1 (Оренбург, 1905), стр. 55-61; П. П. Малый, "Три текста песни о Пугачеве," Под знаменами Пугачева. К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева (Челябинск, 1973), стр. 132-133.
- 37 Среди публикации об Оренбурге его основание и характеристика крепости освещены лишь в нескольких. В XVIII веке об этом пишет П. И. Рычков в «Истории Оренбургском» и «Топографии Оренбургской губернии», в XIX веке В. Н. Витевский в монографии «И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.», в XX веке – П. Н. Столпянский в книге «Город Оренбург». Этому вопроса касаются и авторы некоторых очерков, справочников и путеводителей, но они ничего не прибавляют к сказанному ранее. Но недавно в сб. докладов «Исследования и исследователи . . .» много разных там по Оренбурге посвящены. Так же см. Г. А. Михалева, Торговые и дипломатические связи России с Бухарским ханством через Оренбург в конце XVIII – начале XIX вв., Автреф (Ташкент, 1963; Ее же, Торговые и посольские связи России со Средней Азией (Ташкент, 1982).
- 38 См. Полное собрание законов российской империи, (далее – ПСЗ) т. 9, №№. 6571, 6576, 6584 (СПб., 1830).
- 39 Очерки истории СССР. Период феодализма. 1 четверть XVIII в. (М., 1954), стр. 601-602; В. Иллерицкий "Экспедиция князя Черкасского в Хиву," Исторический журнал, № 7 (1940), стр. 46.
- 40 История Казахской ССР (Алма-Ата, 1979), стр. 35-45.
- 41 Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. Сборник документов и материалов (Алма-Ата, 1961) № 100, стр. 262, № 211, стр. 540.
- 42 Об Оренбургской экспедиции и комиссии – см. Н. Фирусов, Иностранческое население прежнего Казанского царства и колонизация закамских степей (Казань, 1869); П. И. Рычков, История Оренбургская (Оренбург, 1896); В. Н. Витевский, И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., 2 тт. (Казань, 1889-1897); Ю. В. Готье, "Из истории передвижений населения в XVIII веке," Чтения общества истории и древностей российских, кн. 1 (1908); Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. (М., 1957), стр. 646.

- 43 ПСЗ, т. 9, № 6887, стр. 738; № 6889, стр. 740.
- 44 Там же, т. 9, № 8630, стр. 673-675.
- 45 П. И. Рычков, История Оренбургская, стр. 57; Его же, Топография Оренбургской губернии (Оренбург, 1887), стр. 1-5 и 242; В. Н. Витевский, Указ. соч., т. 1, стр. 186 и след.
- 46 ПСЗ, т. 12, № 8901.
- 47 Ю. В. Готье, История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, т. 1 (М., 1913), стр. 114; См. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти, стр. 189.
- 48 Там же, стр. 646; ПСЗ, т. 9, №№ 6571, 6576.
- 49 П. И. Рычков, "Дополнения к «Истории Оренбургской»,» Труды Оренбур. учен. арх. комиссии, вып. 33 (1916), стр. 33, 104-105; История Урала с древнейших времен до 1861 г. (М., 1989), стр. 372.
- 50 Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, №№ 186, 194 (М.-Л., 1936); А. П. Чулошников, Восстание 1755 г. в Башкирии (М.-Л., 1940), стр. 7; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй XVIII в., стр. 646-647; Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1 (Уфа, 1956), стр. 173.
- 51 П. И. Рычков, История Оренбургская, стр. 30.
- 52 М. Д. Курмачева, Города Урала и Поволжья в Крестьянской войне 1773-1775 гг. (М., 1991), стр. 37.
- 53 В. Н. Витевский, Указ. соч., стр. 173.
- 54 Там же, стр. 180.
- 55 П. И. Рычков, Топография, стр. 250.
- 56 Там же, стр. 399-405.
- 57 История родного края (Челябинск, 1976), стр. 21.
- 58 Там же, стр. 22.
- 59 И. П. Фальк, Записки путешествия, т. 6, ч. 2 (СПб., 1824), стр. 243-244.
- 60 С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. 10, кн. 5 (М., 1960), стр. 629.
- 61 П. И. Рычков, Топография, стр. 229.
- 62 П. С. Паллас, Путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. 1 (СПб., 1773), стр. 349.
- 63 И. П. Фальк, Указ. соч., стр. 244.
- 64 Там же, стр. 240.
- 65 Там же, стр. 242.
- 66 История родного края, стр. 22.
- 67 А. Семенов, Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVIII столетия по 1858 г., ч. 3 (СПб., 1859).
- 68 П. И. Фальк, Указ. соч., стр. 241.
- 69 ПСЗ, №№ 8906, 9170, 9553, 9915, 10458, 10482, 10764, 12555, 13097, 13975, 14077.
- 70 П. Н. Столпянский, Город Оренбург: Материалы к истории и топографии города (Оренбург, 1908), стр. 250.

- 71 П. С. Паллас, Указ. соч., стр. 239-240.
- 72 Новый и полный географический словарь Российского государства, ч. 4 (М., 1788), стр. 27-28; П. И. Рычков, Топография, стр. 245.
- 73 П. И. Фальк, Указ. соч., стр. 238-239.
- 74 Там же, стр. 239-240.
- 75 Там же, стр. 240-241.
- 76 Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 521, л. 151 об; См. Ф. Н. Мильков, "Описание города Оренбурга по неопубликованной рукописи П. И. Рычкова «Лексикон или словарь топографической Оренбургской губернии»,» (1777 г.) Жизнь и географические труды, (М., 1953), стр. 139.
- 77 Р. Игнатьев, "Оренбург. 1797 г.," Оренбургские губернские ведомости (1870).
- 78 П. И. Фальк, Указ. соч., стр. 244.
- 79 Там же, стр. 244-245.
- 80 П. И. Рычков, Топография, стр. 6, 56-71.
- 81 С. А. Попов, Указ. стат., стр. 17.
- 82 Там же, стр. 18.
- 83 Татаро-тептярьское население – потомки выходцев из Среднего Поволжья, главным образом татар.
- 84 С. А. Попов, Указ. стат., стр. 18.
- 85 Там же, стр. 18-19.
- 86 Там же, стр. 19; Н. М. Кулбахтин исследовал комплексные материалы: «Генеральная табель» оренбургской губернии (в 1767 г.), «Ведомости» (1770-1771 и 1775 гг.) и другие источники. В канун восстания Пугачева в Оренбургском крае казаки составляли 9,6%, калмыки – 2,4%, мишари и служилые татары вместе – 2,9%, башкиры – 38,2% населения. Дворяне, офицеры и чиновники составляли всего 0,2% населения (Н. М. Кулбахтин, Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773-1775 гг., Уфа, 1984, стр. 14).
- 87 М. Д. Машин, Участие оренбургских..., стр. 106-107.
- 88 П. И. Авдеев, Указ. соч., стр. 11.
- 89 Ф. Стариков, Историко-статистический очерк Оренбургского..., стр. 48-49.
- 90 ПСЗ, т. 9, №№ 6887, 6889, 6890.
- 91 Там же, № 6890, стр. 744.
- 92 П. И. Авдеев, Указ. соч., стр. 25.
- 93 Оренбургские губернские ведомости, № 15-16 (1851), стр. 59.
- 94 П. И. Авдеев, Указ. соч., стр. 26-29.
- 95 Там же, стр. 30.
- 96 Там же, стр. 31-32.
- 97 Там же, стр. 33-35, 177-178; Ф. Стариков, Историко-статистический очерк Оренбургского..., стр. 74-79.
- 98 Столетие Военного Министерства, т. 11, ч. 3, стр. 332; См. приложение 2.

- 99 П. И. Авдеев, Указ. соч., стр. 39-40.
- 100 Ф. Стариков, Историко-статистический очерк Оренбургского . . ., стр. 81-82.
- 101 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска, дело № 8; См. дело № 37.
- 102 Ф. Стариков, Историко-статистический очерк Оренбургского . . ., стр. 70-71.
- 103 Там же, стр. 71.
- 104 Там же; П. И. Авдеев, Указ. соч., стр. 35.
- 105 Там же, стр. 28; Ф. Стариков, Историко-статистический очерк Оренбургского . . ., стр. 71.
- 106 Там же, стр. 72.
- 107 Там же, стр. 72-73.
- 108 Там же, стр. 73.
- 109 П. И. Авдеев, Указ. соч., стр. 36-37; Столетие Военного Министерства, т. 11, ч. 3, стр. 334-335.
- 110 Материалы по историко-статистическому описанию . . . дело № 37, стр. 35.
- 111 Там же, дело № 43, стр. 47-49; ПСЗ, т. 15, № 10894.
- 112 “Записки Дмитрия Волкова об Оренбургской губернии. 1763 года,” Вестник Русского географического общества, № 9, ч. 27 (1859), стр. 55.
- 113 “Записка подъяесаула Севастьянова о Старшинства Оренбургского казачьего войска,” Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачества, вып. 1 (Оренбург, 1903), стр. 58.
- 114 Столетие Военного Министерства, т. 11, ч. 3, стр. 336.
- 115 Ю. А. Лимонов, “Оренбург и крестьянская война 1774-1775 гг.,” Научная конференция . . ., стр. 20.
- 116 А. П. Чулошников, Указ. соч.
- 117 Столетие Военного Министерства, т. 11, ч. 3, стр. 337.
- 118 См. К. Тоёкава, “Местное общество в России в XVIII в.: Оренбург и оренбургское казачество в канун восстания Пугачева,” Славянский мир и его окрестности. К 70-летию со дня рождения профессора Тосиро Ямамото (Токио, 1992), (готовится к выпуску на япон. языке).